

• ИРИНА •

ГЛЕБОВА

САННЫЙ СЛЕД

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Следователь Викентий Петрусенко

Ирина Глебова

Санный след

«Автор»

2012

Глебова И. Н.

Санний след / И. Н. Глебова — «Автор», 2012 — (Следователь Викентий Петрусенко)

Новое расследование следователя сысского управления Викентия Петрусенко приводит знаменитого сыщика в Саратов. Обаятельный, остроумный, артистичный и бесстрашный – Петрусенко идет по следу жестокого маньяка, целый год державшего город в страхе. Местная полиция сбилась с ног, разыскивая чудовище. Уже схвачено двое подозреваемых, но кровавые убийства продолжают... и только русскому Шерлоку Холмсу Петрусенко под силу понять извращенную логику маньяка и найти его за секунду до очередного преступления! На этот раз поймать убийцу сыщику помогает молодая очаровательная женщина, чья интуиция и наблюдательность становятся незаменимым оружием в борьбе с бесчеловечным монстром!

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	13
5	15
6	19
7	22
8	25
9	28
10	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ирина Глебова

Санный след

1

В такую слякотную стынь городской Матвеев готов был проклясть свою службу. Холодный дождь моросил весь день, но так и не перестал, а даже усилился к вечеру. Ветер с дыханием близкой зимы давал передышку на две-три минуты, а потом вновь бросал дождевую морось в лицо, продувал насквозь. Не спасал и плотный парусиновый плащ с капюшоном.

Матвеев заступил на пост в шесть вечера. Прошло всего два часа, а впереди – тоскливо и думать! Человек он был старательный, а потому, горбясь и отворачиваясь от ветра, все же ходил по улице – взад-вперед. Ненадолго заскакивал в свою будку на углу – там хоть ветра и дожда не было! – а потом вновь исправно выходил патрулировать.

Вообще-то, пост у Матвеева был хороший. Улица в одном из центральных околотков, мощеная, с газовыми фонарями, добротными купеческими и доходными домами, где первые этажи почти все занимали магазины, мастерские, ателье. Дальше, за поворотом, размещался городской театр. В дни представлений на улицах было оживленно, проносились коляски, экипажи, прохаживалась публика... Но сейчас здесь царила пустота, затишье. В свете фонарей Матвеев видел совершенно безлюдную улицу. Вот уже полчаса он мечтал, как заглянет в часовую мастерскую Шагальева. Он часто делал это в свои вечерние дежурства. Там тепло. Уютно. Хозяин по-приятельски угостит горячим чаем... Часовых дел мастер, старичок Спиридон Антонович, всегда работает допоздна. Небось ждет. Знает, что сегодня дежурство Матвеева, и уж в такую погоду невозможно не зайти погреться! А в большие окна мастерской улица хорошо просматривается... Да, уже пора! Еще разок пройтись от угла до угла – и к Шагальеву на чаек...

Городской дошел до середины улицы, когда навстречу ему, бог весть откуда вынырнув, выскочил парнишка. Бежал сломя голову такой перепуганный, что почти ткнулся в живот Матвееву. А когда попробовал увернуться – не тут-то было! Цепкие сильные руки городского уже держали беглеца за ворот пальтеца.

– Куда мчишься, заяц?

Матвеев тряхнул худенького подростка. Парнишка поднял на него бледное лицо, перекошенное от страха, и городской сразу понял, что не их неожиданная встреча нагнала этот страх: что-то другое, что случилось раньше. То, от чего мальчишка убегал.

Часовая мастерская была ближе, чем будка. Да и лучше там – теплее и светлее. К тому же пойманный парень мелко дрожал, стучал зубами и ничего не говорил – нужно было привести его в чувство. Потому Матвеев решительно постучал в двери к Шагальеву, втащил туда свою добычу и попросил у Спиридона Антоновича кипятка. К тому времени, когда, обжегшись первым глотком и откашлявшись, парень лихорадочно хлебал чай, городской уже узнал его. Увидев, что тот достаточно оклемался, решительно забрал у него чашку и, крепко держа за плечо, насмешливо спросил:

– Ну что, Сапелкин... Тихон, если не ошибаюсь? Рассказывай, куда ты влез на этот раз? Хорошо тебя, видать, там отпорили!

Тишка Сапелкин, пятнадцати лет, известен был Матвееву давно. Как и все его преступное семейство. Папаша, если не отсиживал в тюрьме, подворовывал по квартирам и лавкам, матушка перешивала краденое, братья – и Тишка сам-третий – помогали как могли в семейном промысле. Ребята были ушлые, таких легко не испугаешь. Что же такое мог увидеть Тихон?

В лице у Тишки еще не было ни кровинки, но в себя он уже пришел, смотрел исподлобья, прикидывал, что сказать. Потом со всхлипом вздохнул, и Матвеев понял: расскажет все как есть.

Уже несколько дней как Тишка присмотрел сапожную лавку, которую можно было легко почистить. Сегодняшний вечер показался подходящим: дождь, ветер, безлюдье... Шел по задворкам больших улиц и прикидывал: сколько возьмет готовых сапог, сколько кожи, а если повезет, и сафьяна. Ведь уже договорился, куда свою добычу сбудет... Как раз тут и хлопнула незапертая дверь: порыв ветра налетел, она вновь со скрипом приоткрылась, хлопнула, закрываясь... У Тишки аж дыханье сперло! Ведь это же задняя дверь «Бонвивана» – самого лучшего в городе магазина модного платья! Внутри было темно, совершенно тихо – только дверь скрипела и хлопала. Открытая... Минут пять Тихон постоял, замерев на месте, прислушиваясь. Потом – еще столько же, уже шагнув в дверь и прикрыв плотно ее за собой. Из магазина не доносилось ни звука. И парень решил. А еще подстегивало радостное, будоражащее предвкушение: то, что утрет он нос братцам, притащив дорожные наряды из французского магазина! А папаша скажет при всех, что он, Тишка, ловчее и сообразительнее других...

В темноте парень видел как кошка. Сначала – длинный коридор и еще один вход, тоже открытый. Небольшая лестница наверх и – двойные стеклянные двери в салон. Но зайти туда Тихон не успел: заметил, что откуда-то сбоку просачивался свет – тонкой полосой по полу. Воришка испуганно прижался к большой кадке с пальмой, ждал. Но стояла тишина. Нет, решил он, нельзя делать дело, не узнав, что это за свет. Мало ли... Вдруг кто есть из людей? Сторож, например.

Честно говоря, увидев этот лучик света, Тихон сразу же пожалел о том, что решился на это дерзкое предприятие. Плохое предчувствие давило в груди. И все же он пошел на свет неслышным, крадущимся шагом. Ведь теперь даже удрать, не узнав, что там, и то боязно...

Дальше Тишка Сапелкин рассказывал настолько бессвязно, что городской понял лишь одно. В комнате, где горел свет, парень увидел мертвую женщину. И не просто мертвую! «Раздетая и порванная вся, словно зверь когтями драл, ей-богу! А кровящи кругом, кровящи!..»

Матвеев попросил часовщика никуда Сапелкина не отпускать. Сам проверил запоры на окнах и двери. Вдруг воришка наврал, чтобы отвлечь внимание от какого-нибудь истинного своего проступка, и, уловив минутку, вздумает драпануть! А если все правда – тем более отпустить нельзя: скроется, ищи его потом, свищи! А так – первым свидетелем пойдет. Впрочем, Матвеев был почти уверен, что Тишка рассказал о том, что действительно видел: выдумать такое непросто – изощренный ум надобен.

На улице Матвеев посвистел в свисток. На характерную резкую трель прибежали городской с соседней улицы да дворник из ближайшего особняка. Втроем и отправились к магазину «Бонвиван».

Этот магазин-салон был главным украшением улицы: владелица – мадам Жаклин Солье – все сделала по высшему разряду. Заведение было оснащено электричеством и в вечерние часы сияло красивой вывеской. Патрулируя, Матвеев уже проходил сегодня мимо него, любовался. Он знал, что и внутри тоже шикарно: зеркала, манекены, ковровые покрытия и богато задрапированные стены, кабинки для примерки и подгонки одежды по фигуре. Одно слово – самый модный магазин дамского платья в городе!

Со стороны улицы все было как обычно: светилась вывеска, но за окнами царил темнота – магазин уже закрыт. А вот задняя дверь в темноте переулка и вправду тихонько хлопала на ветру. Переглянувшись со спутниками, Матвеев кивнул решительно:

– Пошли!

И первым двинулся путем Тишки Сапелкина. Через пять минут он уже отправил второго городского – бегом! – к начальству. А еще через полчаса встречал пролетку, в которой прибыли частный пристав, околоточный и врач.

– Сюда извольте! – повел всех в переулок, к задней двери. – Жуткое, доложу вам, зрелище. Отродясь такого не видывал...

Помещение, где лежала мертвая женщина, представляло собой что-то среднее между будуаром и примерочной. Там не было окон, но оно хорошо освещалось изящными светильниками, было небольшим, однако вместительным. В глубине располагалась красивая бархатная, с переливчатым оттенком софа. Вокруг – несколько таких же бархатных пуфиков, низкий круглый столик на гнутых ножках. А вдоль стен – забранные стеклом витрины с платьями: самые лучшие и дорогие образцы. Наверное, мадам Жаклин любила отдыхать здесь, любуясь изысканными французскими нарядами, приобрести которые было по средствам лишь самым богатым дамам города. Теперь владелица всего этого великолепия лежала на груди сорванных и брошенных на пол платьев в одном нижнем белье, пропитавшемся кровью настолько, что, подсохнув, оно затвердело, как жесь. Немолодая, но очень моложавая, изящная, кокетливая и веселая, как птичка, мадам Жаклин была изрезана и искромсана так, что, казалось, на ней нет живого места. Нетронутым осталось лишь лицо, но его неузнаваемо исказили нечеловеческий ужас и страдание.

Когда врач, осматривавший убитую, наконец распрямылся, лицо его было бледно.

– Да-с, – протянул глухим голосом, снимая и бросая в пакет липкие окровавленные перчатки, – двадцать семь ран, а может, и больше. Похоже, тесаком. Бедная женщина!

Потом, подойдя ближе к частному приставу, понизив голос, добавил:

– Но это еще не все. Было совершено насилие. Жестокое насилие.

Городовой Матвеев расслышал это. Он с испугом и жалостью бросил последний взгляд на мадам Жаклин, которую уже заворачивали в одеяла, чтобы нести вниз, к карете, прибывшей из городского морга. И подумал о том, что такого жестокого преступления у них в городе он и припомнить не может. Хорошо бы поскорее изловить убийцу – дикого зверя в человеческом облике!

Частный пристав оформил отправку тела убитой, отдал распоряжение опечатать комнату и магазин и заторопился к пролетке. Нужно было тотчас ехать к полицмейстеру на доклад. Кому же господин Вахрушев поручит расследование? Должен быть толковый, очень толковый следователь! Ведь такого кровавого дела у них еще не бывало! Поскорее, поскорее надобно схватить убийцу!

...Никто из стоявших над истерзанным телом француженки не знал, какие потрясения еще ждут впереди. Никто не знал, что это убийство станет первым – в череде многих! Что впереди – год страха, ужаса, тщетных поисков кровопийцы.

2

Леночка Орешина была счастлива. Она любит и любима! Вопреки мнению своей ироничной и всезнающей тетушки и бойких подружек по пансиону для благородных девиц, да и матушки тоже. Все кругом твердят, что в наш расчетливый, развращенный и циничный двадцатый век не бывает бескорыстной и романтической любви. А вот ведь есть она! Леночка горда, что всегда верила в высокое и благородное чувство. Может быть, оттого Бог и наградил ее, послал такого необыкновенного, прекрасного любимого!

Сам Петр Уманцев! Она до сих пор временами словно не верила: с ней ли все это происходит? Не сон ли? Ведь еще совсем недавно, зимними вечерами, выходя из многолюдного театра после спектакля, кутаясь в шубку и садясь в сани под меховую полость, она не слушала собеседницу – маменьку, тетю или подругу, – а все еще видела сцену, декорации и его, Петра Уманцева: пылкого Ромео, отважного Картуша, благородного Теодоро... Как горели его глаза и дрожал, переливался красивый голос, когда он произносил любовные признания! И казалось Леночке, смотрел прямо на нее, сидящую обычно в третьем ряду! И как оказалось все странно, когда выяснилось, что артист и вправду видел ее, ожидал, смотрел...

А выяснилось это весной, в вечер бенефиса Уманцева, где в шиллеровском «Коварстве и любви» он играл Фердинанда. В последней сцене, в самой развязке, актер поступил несколько странно. Он подошел к рампе и стал говорить знаменитый монолог в зал. Актриса, игравшая Луизу, стояла на сцене в недоумении, ведь слова предназначались ей. Но Уманцев говорил так проникновенно и страстно, что публика, казалось, не заметила этой необычной мизансцены, взорвалась аплодисментами и криками «браво». Леночка, замороженная, смотрела прямо в глаза артисту. Да, да! Его взгляд был направлен прямо на нее – не оставалось сомнений! А значит, и слова, которые он говорил, тоже были обращены к ней?

– Еще раз, Луиза! Еще раз, как в день нашего первого поцелуя, когда ты прошептала: «Фердинанд!» – и когда твои пылающие уста впервые вымолвили слово «ты»... О, тогда казалось, что в этом мгновении, словно в почке, заложены семена бесконечных, несказанных радостей! Тогда перед нашими очами, словно роскошный майский день, простиралась Вечность, века золотые, разубранные, как невесты, пронеслись перед умственным нашим взором... Тогда я был счастлив! О, Луиза, Луиза, Луиза, зачем ты так со мной поступила?

Что с того, что он произносил другое имя? Леночка видела его глаза и читала в них свое имя. Не помня себя, словно повинуюсь какому-то зову, она медленно встала с кресла... Но в это время все в зале начали вставать, аплодируя, и девушка пришла в себя.

Через несколько минут пьеса окончилась. Зал скандировал: «Уманцев, Уманцев!» – актер вышел на поклон один раз – и все. Пробираясь к выходу, Леночка непроизвольно держалась за рукав матушкиного платья: боялась остаться одна, отстать, что ли? Пока они не торопясь шли по залу и вестибюлю, переговариваясь на ходу со знакомыми, пока спускались по широкой лестнице к выходу, где на крыльце ожидал слуга Прохор с их накидками, – прошло какое-то время. И когда мать с дочерью подошли к своему экипажу, там уже стоял высокий, светловолосый, без сценичных усов и камзола Петр Уманцев. Поклонившись несколько растерявшейся матери Леночки и мгновенно побледневшей барышне, своим мягким, завораживающим голосом он проговорил:

– Мария Аполлинарьевна, Елена Александровна, позвольте посетить вас, в любой день, какой укажете...

А Леночка только и смогла подумать: «Странно, он знает наши имена...»

Княгиня и княжна Орешины принадлежали к известной в городе фамилии. Но после смерти князя, случившейся более года назад, жили скромно и замкнуто, хотя и не чурались прежних друзей, знакомств. Но не было рядом полного энергии и веселья, остроумца и бала-

гура князя Орешина – любимца компаний, души всяких благотворительных начинаний, предводителя городского дворянства. Что ж, у вдовы и осиротевшей девушки не было особых причин для веселья – жизнь потекла размеренно, спокойно. Князь оставил им приличное, но не чрезмерное состояние, двухэтажный особняк с садом, экипаж, небольшой штат слуг. Княжна Елена – Леночка – окончила закрытый частный пансион для благородных девиц и вот уже год жила с матерью. Удивляться тому, что актер городского театра знает их в лицо, может, и не стоило, но ведь и особенных причин к такому знакомству не было. Напротив, сам Петр Уманцев был в городе куда популярнее. Да, собственно, из первых знаменитых лиц.

Он появился на городской сцене года полтора назад, и сразу же о нем заговорили. Роли пылких любовников, отважных героев, рыцарей – все были его! Он играл вдохновенно, талантливо, словно жил той заданной и придуманной жизнью. И сам был хорош собой необыкновенно: высокий, атлетически стройный, с прекрасными голубыми глазами. Светлые пышные волосы, романтическими волнами обвивая лоб и щеки, опускались до плеч. Говорили, что он из обедневших дворян. Что ж, это никого не удивляло. Последнее время на сцену все чаще шли одаренные молодые люди из дворян, и не только обедневших. Быть актером становилось и престижно, и денежно. Но главное – сама сцена влекла и, околдовав, уже не отпускала. А Саратовский театр давно имел солидную репутацию, талантливую труппу, интересный репертуар. Много было переводных авантюрно-любовных пьес и водевилей, однако играли и Островского, и Тургенева, и Грибоедова.

...Петр Уманцев стоял, склонив голову, переводя взгляд с одной женщины на другую, покорно ожидая ответа. И хотя вся сцена – от его появления до этого просящего немого взгляда – длилась минуты три, его, кумира, уже узнали в публике, потоком струящейся по ступеням театра, вокруг экипажа Орешиных стали останавливаться зеваки. Княгиня Орешина раньше дочери поняла, что еще несколько минут, и они окажутся в плотном кольце театралов-поклонников. Улыбнулась и сказала доброжелательно:

– Что ж, господин Уманцев, будем рады принять вас и познакомиться ближе. В четверг у нас небольшое семейное чаепитие – приходите к пяти часам.

Да, было это сказано просто, но приподнятая бровь и чуть подчеркнутое удивление в голосе как бы слегка отстраняли молодого человека. Молодой человек понял это, быстро поклонился и взбежал по ступеням ко входу в театр. Ушел вовремя: кольцо поклонников уже почти сомкнулось.

Коляска на хороших шинах и тугих рессорах катила мягко, упруго. Кутаясь в вязаную пуховую шаль, Леночка сидела прямо, щеки ее горели, в глазах плыли радужные круги. Она не могла прийти в себя – обрывки мыслей, без начала и конца, захлестывали радостью душу и сердце. И все же в какой-то момент Леночка незаметно бросила взгляд на мать: что она? Как смотрит? Что думает? И еще было в этом взгляде удивление. Как это у матушки получилось: в такой короткой фразе так много смысла? Она ли это, всегда такая простая: что в мыслях, то и на словах! И вдруг – такая многозначительная интонация... Впервые Леночка осознала: «Бог мой, как же они похожи с тетей Ксенией! А мне всегда казалось, что они такие разные...»

3

Ксения была на восемь лет моложе сестры – княгини Орешинной. Когда родилась Леночка, Ксении только исполнилось шестнадцать. Малышка воспринимала свою юную тетушку как подружку. Так и повелось с того времени: не «тетя Ксения», а «Ксаночка». А уж независимый нрав, редкая пронизательность и тонкая ирония тетушки приводили девушку в восторг, история жизни – восхищала. В общем, Ксаночка была кумиром восемнадцатилетней княжны.

Но в те минуты, когда коляска катила по освещенным фонарями улицам от театра к особняку Орешинных, Леночка лишь какое-то мгновение подумала о матери, о тетке. Он, Петр Уманцев, смотрел на нее, говорил для нее, сам подошел, назвал по имени!.. Он будет у них послезавтра, всего через два дня! Вчера еще она об этом и мечтать не смела, а сегодня это случилось – наяву!

Мария Аполлинарьевна наказала кучеру сделать небольшой крюк – проехать мимо дома сестры. Прохор сбегал и передал той просьбу прибыть незамедлительно к Орешинным. Потому всего через полчаса – полчаса, в которые Леночка с матерью обменялись лишь короткими «да», «нет», «хорошо», «конечно», – приехала Ксения. Держа дочь за руку, княгиня пересказала сестре сцену у театра.

– Однако! – воскликнула тетушка весело и лукаво. – Моя племянница добилась своего!

– Ксана! – Леночка даже руками всплеснула. – Зачем ты? Я ведь ничего не делала!

– Так-так! – Мария Аполлинарьевна опустила на диван и усадила дочь и сестру рядом, по обе от себя стороны. – Значит, для вас это не неожиданность? Рассказывайте!

Рассказывать особенно было нечего. О том, что Леночка влюблена в артиста Уманцева, Ксения догадалась еще зимой, в самый разгар театрального сезона. Но разве можно было упрекнуть девушку за это? Актер – красивый, пылкий, талантливый. Да с него все городские барышни глаз не сводят! А Леночка, хоть и восторженно, но совершенно в тайне от всех лелеяла свое чувство. Им и встретиться-то негде было. И не потому что она княжна, а он – актер. Его-то, Уманцева, как раз охотно приглашали на званые вечера, балы, торжества. Просто Леночка из-за длившегося до недавнего времени траура по отцу в таких местах не бывала. Но вот же: ничто не помешало Уманцеву именно ее заметить! Не побоялся он прямо подойти к Орешинным, напроситься в гости!

– Решительный молодой человек, – резюмировала Ксения. – Значит, ждите от него решительных действий.

Традиционные чаепития у Орешинных по четвергам бывали немногочисленны. Три близких друга покойного князя с женами да Ксения – вот и все гости. Но столь узкий круг позволял присутствующим вести себя просто, без церемоний, по-семейному. Появление артиста Уманцева и возбудило, и смутило одновременно. Но очень скоро былая атмосфера восстановилась. Молодой человек держался совершенно естественно, легко и с достоинством. За столом он сидел через два человека от Леночки и был исключительно внимателен к своим соседям. Но девушка постоянно чувствовала его взгляд, и он пользовался любым предлогом, чтобы обратиться к ней. Как-то непринужденно завязался разговор, позволивший Уманцеву рассказать об отце – помещике Тульской губернии, добром и честном человеке, растившем его с детских лет без матери. О том, как отец доверился преступному управляющему, а тот, воспользовавшись бунтами трехлетней давности, разорил имение, нажившись сам. К этому времени он, Петр, успел прослушать три курса инженерной академии в Москве. Но быстро понял, что его призвание – театр. Уехал в Северную столицу, окончил Петербургские драматические курсы. Играл в театре в Ораниенбауме, по сезону – в Вильно, Орле, Харькове. Там познакомился с антрепренером, который снял театр в Саратове и пригласил Уманцева на зимний сезон. Но

здесь, в Саратове, артисту так понравились и театр, и труппа, что он остался. К тому же там, в центре России, его уже ничто не держит: отец скончался, имение ушло за долги.

Леночка видела, как сочувственно слушали гости грустную историю молодого человека. Только тетя, сидевшая рядом, в какой-то миг прошептала:

– Хорошо говорит... Артист! Впрочем...

Да и она тоже была тронута. Но когда из большой столовой все перешли в малую гостиную, где ожидали их накрытые к десерту столики, разговор сам собой изменил русло, хотя и продолжал крутиться вокруг театральных тем.

– Скажите, господин Уманцев, ваше мнение, – попросил один из гостей, глава губернской банковской ассоциации Никита Дмитриевич Бушев, – что есть настоящий вид искусства: трагедия или комедия? Я что-то сомневаюсь насчет комедии. Вот у вас в театре ставят «Женитьбу», я смотрел, хохотал до колик. А все же чувство осталось брезгливое. Что же такое? На сцене фигурируют пьяные мужики, лакеи, какие-то уроды-помещики! Не только в этой пьесе, и в других... Нет, решительно не могу считать комедию высоким искусством!

– Да, Петр Арсеньевич, – подхватила жена банкира, – вы вот играете и в трагедиях, и в комедиях. А что больше любите?

Теперь, когда гости сидели за отдельными столиками, Уманцев оказался рядом с Леночкой. Он ответил не сразу: подал девушке чашечку тонкого, почти прозрачного фарфора, с трудом оторвал взгляд от склоненной белокурой головки.

– Знаете ли, – сказал, повернувшись к Бушеву, – «Женитьба», на мой взгляд, комедия гениальная. Впрочем, о вкусах не спорят. Я же, да, больше играю и люблю играть в трагедиях. В моем характере, наверное, есть нечто, позволяющее раскрыться, раскрепоститься именно в трагической ситуации. Однако существуют ведь и иные комедии – как мольеровские или «Горе от ума»... Вы понимаете, о чем я? Они временами очень смешные, а временами такие горькие и драматические... В них все переплетено, как, впрочем, и в жизни! Вот в таких комедиях я люблю играть.

«Господи, как он благороден, умен и красив!» – думала Леночка. Восторг в ее взоре был, наверное, замечен всем – ну и пусть! Уманцев говорил просто, без патетики, однако интонации, живое чувство делали его слова такими выразительными!

– И отлично играете, надо сказать! – подхватила Ксения.

Она улыбнулась племяннице подбадривающе, и девушка поняла, что уж проникательной Ксаночке все ясно и она замечает молчаливый диалог их взглядов.

– Комедия, трагедия... – протянула Мария Аполлинарьевна, одновременно указывая прислуге столик, куда следует подойти с подносом. – Наша жизнь, как вы верно заметили, господин Уманцев, соединение того и другого. Но больше трагедий! Да что далеко ходить. Все мы сейчас объаты страхом! Устин Петрович, вы хоть немного успокоили бы нас!

Все сей же час посмотрели на главу городской полицейской управы Вахрушева. Тот укоризненно покачал головой, глядя на хозяйку, но тут же обреченно вздохнул. Он привык, что даже в дружеских компаниях не избежать разговоров о службе. И особенно в последние полгода – с того октябрьского вечера, когда нашли первую убитую женщину – француженку мадам Солье. Теперь жертв было уже три, все поруганы и зверски искромсаны: явно дело рук одного преступника. Город охватила паника, убийцу прозвали «маньяк-женоненавистник», но кто он таков – оставалось загадкой.

– И хотел бы вас, дорогие мои, успокоить, да нечем. – Вахрушев развел руками. – Есть у наших следователей кое-какие соображения и даже факты, да вот только убийце пока от этого опасности мало. Будьте осторожны, милые дамы, очень осторожны – только это могу посоветовать. Уж очень жесток этот кровопийца, не скрою!

– Да возможно ли его поймать?

– Поймать возможно! – убежденно отрезал полицмейстер. – И поймаем. Но пока, пока-то он на свободе...

Весь остаток вечера маленькая компания продолжала обсуждать эту жуткую, но и самую будоражащую тему. Только Леночка и Уманцев, склонив головы, тихо говорили о другом – совершенно о другом! А потом молодой человек встал, поклонился хозяйке.

– Позвольте пригласить Елену Александровну на небольшую прогулку в городской сквер? Со мной она будет в полной безопасности, и вернемся мы засветло... – И после наступившей долгой паузы добавил: – Окажите честь и доверие.

Зардевшаяся Леночка сидела не шелохнувшись. Мария Аполлинарьевна переглянулась с сестрой, и взгляд Ксении ясно передал ее мысли: «Ну, о чем мы с тобой говорили? Так и вышло. Что ж, ты была к этому готова, отвечай...»

Глянув на неподвижную, напряженную дочь, потом на актера, мать медленно кивнула, постаралась придать голосу спокойствие, неторопливость:

– Что ж, прогуляйтесь. День сегодня отличный.

Но сердце ее сжималось от предчувствия близких перемен – печальных и радостных одновременно. Петр Уманцев, похоже, был человеком благородным, к тому же достаточно рассудительным для своих 27 лет. А значит, не стал бы так откровенно, при обществе, звать девушку на прогулку, не имея серьезных намерений...

4

Ни друзей, ни настырных репортеров полицмейстер Вахрушев в подробности дела не посвящал. Газеты – и городские, и даже столичные, – конечно же, писали о кровавых саратовских преступлениях. Раза два промелькнуло: «Наш местный Джек-Потрошитель». Но быстро исчезло, поскольку, кроме того, что жертвы были женщинами, другого сходства не было. Все погибшие были жестоко изнасилованы, изрезаны, но без «анатомических опытов». К тому же жертвами становились отнюдь не проститутки, а женщины если не из высших, то добропорядочных городских слоев.

Второй после француженки жертвой стала молодая сестра милосердия из саратовской больницы, третьей – дочь зажиточного купца.

Сразу после убийства мадам Солье Устин Петрович Вахрушев понял, что тут – дело серьезное, запутанное. Нет, конечно, ему и в голову не могло прийти, что последуют страшные продолжения, но он уже тогда, с самого начала, поставил на расследование самого опытного своего сыщика Кирилла Степановича Одинокова. Одинокоев быстро и чутко нащупал несколько нитей, важных для разгадки трагической гибели веселой владелицы модного магазина. Жаклин Солье слыла женщиной независимой, замужем не была, периодически приближала к себе то одного, то другого поклонника.

Последний из них – холостой поручик лейб-гвардейского полка, расквартированного в городе, очень переживал смерть любовницы и, разговаривая со следователем, в какой-то момент даже разрыдался. Одинокоев очень скоро понял, что офицер только с виду бравый красавец. А по сути – человек слабохарактерный, подверженный апатии, неуверенный в себе. Это вовсе не снимало с него подозрений: подобные люди от чувства неудовлетворенности, от обиды – настоящей или мнимой – могут сорваться с цепи, стать жестокими и непредсказуемыми. Но следователь почти сразу установил, что поручик за день до происшествия был направлен в другой город, в штаб дивизии, где и пробыл три дня. Да ездил притом не один, а еще с двумя офицерами, которые безоговорочно подтвердили его непричастность к убийству.

Вскоре выяснился еще один факт: купец Забродин, один из прежних любовников француженки, отвергнутый ради кого-то еще, был сильно обижен на нее и громогласно грозился отомстить. И хотя Одинокоев хорошо знал, что самые громкие угрозы обычно остаются неисполненными, взялся за купца как следует.

Забродин, здоровенный, пятый год вдовеющий купчина, страшно удивился вниманию следователя к своей особе.

– Так ведь почти уж год, как мы с Жаклинкой разбежались! – гремел его искренне-недоуменный бас. – Ну, было, серчал я на нее поначалу. Так это же любому обидно, коли баба сама нос воротит. А на грозные слова я всегда скорый – это любой знает, в сердцах чего не наговоришь! Но чтоб рукам волю – никогда!

Вскоре следователь убедился, что лютый нрав Забродина и вправду лишь видимость. И приказчики, и слуги, и юная дочь купца, и все его приятели подтвердили: лют этот человек только с виду, пальцем же никогда никого не тронул. Но более всего убедило Одинокоева то, что у купца была уже другая зазноба, и не какая-нибудь сожительница или содержанка – невеста. Предполагалась скорая свадьба. Та и подтвердила, что в вечер убийства он был у нее дома, с ней. Это же подтвердила и прислуга.

Однако следователь не считал, что потратил на купца время зря: тот дал ему новую ниточку-зацепку. Рассказал, между прочим, что Жаклин, когда еще была с ним в связи, строила глазки одному смазливому портному из своей же мастерской.

– Я даже ее офицера предупредил, по-дружески, – рассказал, усмехаясь, Забродин.

– Каким образом?

– Да вот, еще в начале осени оказались мы в одной ресторации. Он со своей компанией гулял, я – со своей. Выпил хорошо, смотрю, он в стороне стоит, курит. Подошел да и сказал: смотри, мол, за своей модисткой-то в оба! А то вильнет перед тобой задком, как когда-то передо мной. Да еще и сопляка такого заведет!

Пришлось следователю вновь встречаться с поручиком, принуждать вспомнить тот разговор. Теперь офицер был более сдержан, сух – время прошло, он успокоился. Сразу же припомнил тот разговор, указал и молодого портного – Тихонов Егор. Да, мальчишка заглядывался на бедняжку Жаклин, да и та, чего уж греха таить, его подразнивала. Но и только! Он уверен – между ними ничего серьезного не было!

Одинокое не стал торопиться встречаться с портным. Решил сперва последить за ним, приставил филера. Но тут грянуло второе убийство – вновь насилие и жестокое истязание. Сомнений не было – убийца все тот же.

5

Неонилла Королева была девушкой самостоятельной и независимой. Родители ее жили недалеко от Саратова, в уездном городе, отец трудился тоже на медицинском поприще: фельдшером. Девушка окончила с отличием медицинские курсы в Саратове и тотчас же получила приглашение работать в городской больнице. Заработок позволял снимать хорошую меблированную комнату, жить не широко, но безбедно. В этой же комнате и нашла убитую зашедшая к ней утром хозяйка.

В ходе расследования Одинокоев узнал, что Нелли – так все называли барышню на модный английский манер – была открытой, веселой, кокетливой. Круг знакомств у нее оказался обширным, поклонников тоже хватало. И вдруг вновь всплыло знакомое имя – Тихонов Егор. Слежка за молодым портным к этому времени еще ничего не дала, и следователь решил поговорить с ним напрямую. И пошел в мастерскую, где тот работал.

После смерти мадам Солье магазин перешел к ее племяннику. Тот приехал из самого Санкт-Петербурга. Кое-кто из горожан недоумевал: как можно было оставить столицу и переехать в провинцию! Но Одинокоев знал: Гаспар Лафорж в Петербурге был лишь младшим компаньоном своей матери, здесь же, в Саратове, он стал единоличным владельцем. И надо сказать, молодой француз споро взялся за дело. Себя он считал не только владельцем модного магазина, но и кутюрье – притом талантливым! Раньше при магазине была лишь небольшая швейная мастерская: туалеты, прибывшие из Парижа, Вены, Санкт-Петербурга и Москвы, при необходимости подгоняли под фигуры местных дам. Теперь же месье Гаспар не только продавал готовые костюмы и платья из столиц, но и придумывал новые наряды сам. А потому и мастерскую сильно расширил. Именно здесь работал Тихонов.

Он вышел к следователю из-за бархатной портьеры примерочной в одной жилетке, со складным метром в руке. Поняв, с кем имеет дело, извинился, вновь скрылся за портьерой и вскоре вернулся уже в элегантном костюме-тройке. Однако за время его отсутствия Одинокоев быстро написал что-то на листке из блокнота, кликнул парнишку-посыльного и наказал:

– Эту записку – в полицейскую управу, живо!

Егор Тихонов следователю понравился: подтянутый, очень симпатичный, держится с достоинством. Смуглая кожа и хорошо уложенные темные волосы, ямочки на щеках, белозубая улыбка. Правда, чувствовалась в нем какая-то нервозность, да левую щеку, сверху вниз, пересекали две свежие тонкие царапины.

– Нам надо поговорить, – сказал следователь. – Но лучше бы наедине.

– А вот эта примерочная сейчас свободна, прошу!

В маленькой комнате с большим зеркалом и мягким ковром на полу оказался еще столик с двумя стульями. Сев, следователь указал молодому человеку место напротив. Начал без обиняков:

– После убийства вашей прежней хозяйки, мадам Солье, один человек указал, что между вами, возможно, была любовная связь. Я посчитал этот намек надуманным. Теперь же хочу, чтобы вы рассказали о ваших отношениях с бывшей хозяйкой.

Егор сразу побледнел, исцарапанная щека задергалась.

– Это из-за убийства Нелли, верно? – спросил почти шепотом. – Но я ничего не знаю, ни про мадам Жаклин, ни про нее!

– Значит, с погибшей Королевой вы тоже были знакомы?

– Да вы же и сами знаете, чего в прятки играть! У меня с мадам ничего и не было, потому что я за Нелли ухаживать старался!

Следователь отметил, что парень почти сразу впал чуть не в истерику. Такая вспыльчивость наводила на размышления. Всегда ли Тихонов таков? Или два убийства близких ему

женщин так расстроили его нервы? Тогда он, скорее всего, невиновен. А может, наоборот: нервозность – признак ожидаемого возмездия?.. Надо его, однако, успокоить, иначе разговора не получится.

– Извольте, господин Тихонов, взять себя в руки. Я ведь никаких обвинений вам не предъявляю, только задаю вопросы. Что же вы так волнуетесь?

Молодой человек тяжело переводил дыхание, успокаиваясь. Обреченно махнул рукой.

– Чего там, сам понимаю: две убитые, и я с обеими – знаком. Ясно, на меня и подумают!

– Так были у вас любовные отношения с мадам Солье?

– Нет! – Он вскочил, принялся ходить по комнате. – Жаклин была женщиной любвеобильной. Делала мне намеки... Я бы вполне мог, сами понимаете! Но Нелли, я ведь с ней... Да... Жениться хотел...

Егор резко сел, закрыл лицо руками, плечи его вздрагивали. «Однако какой же он возбудимый», – вновь подумал Одинок. И спросил:

– А где вы были в день и вечер гибели Королевы?

– Днем здесь, в ателье. А вечером ждал Нелли на катке. Да она не пришла...

– На каком катке?

– В городском парке.

Каждую зиму в городском парке заливали большой каток – играл духовой оркестр, в будочках продавали блины, горячий чай, пирожки, баранки, конфеты. Вечерами он ярко освещался, и, конечно, каталась там чистая публика. Ребяшня, у которой не было денег, каталась на замерзшей реке – свободно и совершенно бесплатно.

– Значит, в парке... В компании?

– Нет, один. Я же ее ждал!

– А когда не дождались, пошли к Королевы?

– Нет! – Егор с силой помотал головой. – Нет! Хотел пойти, да рассердился очень.

– Что ж так?

Егор вскинул взгляд: в лице и глазах все еще стояла обида, хотя девушки уже не было в живых. Впрочем, всего три дня...

– Нехорошо говорить о покойнице дурно, но ведь она играла со мной, как с котенком... Да! То приманит меня, то оттолкнет. Красивая она была, это верно. Нравилось ей, когда по ней кто-то страдает.

– Хотите сказать, у нее были и другие?..

– Не знаю. Может, и были.

– Кто же?

– Да не знаю я!

Тихонов опять распалился, но следователю уже надоело его успокаивать. Не обращая внимания на его раздражение, он спросил:

– Итак, куда же вы пошли, не дождавшись Королевы?

– Домой и пошел.

– Хозяйка подтвердит?

– Не знаю, у меня вход отдельный.

С хозяйкой, где Тихонов снимал комнату, разговор уже был. Она и вправду точно не помнила: вроде возвращался жилец вечером, но когда, и не уходил ли потом – этого, сказать не смогла.

– Скажите, господин Тихонов, – следователь протянул руку и указал на щеку собеседника, – откуда у вас эти царапины? По виду им дня три-четыре.

Ему показалось, что парень испугался, губы задрожали.

– Да вот, на катке упал. Как раз в тот вечер...

– Упали? Не очень похоже на след падения.

– Почему же? Там льдинки мелкие, острые... – Егор прижал ладонь к щеке. – Уже заживает.

– А кто-нибудь видел, как вы падали? И вообще, кто-то видел вас на катке? Знакомые?

– Не знаю. Людей было много, может, кто и видел.

Одинокое встал, шагнул к портьеру, сделав знак Тихонову сидеть, выглянул в приемную. Там уже стоял городской с большим конвертом за портупеей. Увидев следователя, подошел, отдал конверт. Одинокое быстро достал и просмотрел бумагу. Хмыкнул, то ли удивленно, то ли удовлетворенно – сам еще не определил свое чувство. А на чувства свои он привык полагаться, они редко его подводили. Еще только бросив на Егора Тихонова первый взгляд, он заметил царапины у него на лице. Они показались ему очень похожими на следы либо кошачьих когтей, либо женских ногтей. И пока Тихонов приводил себя в порядок, следователь отправил в полицейскую управу запрос. Он наказал помощнику быстро проверить ногти погибшей Королевой. Тело девушки вот все еще лежало там же, при управе, в морге. Родители убитой уже просили дозволения похоронить дочь, но Одинокое уговорил их подождать еще два дня. И сейчас радовался тому, что сделал так. Ведь в присланной ему бумаге говорилось: под ногтями правой руки убитой есть частички человеческой кожи.

Вернувшись в примерочную, следователь пристально поглядел на парня. Тот вновь заметно нервничал, не спускал глаз с раскрытого конверта и бумаги в руке следователя. Тот заметил это, легонько помахал листком в воздухе.

– Вот что, Тихонов, – сказал он. – Неонилла Королева, судя по многим признакам, сопротивлялась своему убийце. И между прочим,хватила его ногтями по щеке – оставила, похоже, отметины. Не они ли это?

Он вновь вскинул руку к лицу молодого человека, но уже более резко, чем первый раз. Егор отшатнулся, вскочил со стула. Быстро прижал ладонь к щеке, словно хотел спрятать царапины.

– Нет! – вскрикнул пронзительно, но тут же перешел на полусшепот: – Это на катке, на катке!

– Слишком много совпадений, молодой человек!

Не спуская с него глаз, следователь отдернул портьеру, сделал знак, и тут же в приемную шагнул городской.

Через час Одинокое уже докладывал об аресте предполагаемого убийцы полицмейстеру Вахрушеву.

– Я сразу заметил, что этот Тихонов очень возбужден, то в ярость впадает, то в истерику. За Королевой он ухаживал, отношения у них были близкими, но, похоже, убитая его не воспринимала всерьез. Во всяком случае – не отказывалась от других знакомств и принимала ухаживания. Такой человек, как Тихонов, мог здорово ревновать. Не дождавись Королеву на катке, пойти к ней, там разыгралась ссора, и... Она сопротивлялась, исцарапала его.

– Хозяйка его видела?

– Мы ее уже допрашивали на предмет того, кто приходил к убитой накануне. Она не знает – и вообще не всегда следит за проходящими, сидит у себя в комнате.

– Ну а что с французенкой? – спросил полицмейстер.

– Там могло быть так: мадам поддразнивала Тихонова, подавала ему надежды, но близко к себе не подпускала. И однажды он сорвался. Возможно, сначала хотел просто овладеть ею, да та стала сопротивляться, оскорбила его...

– Да, – Вахрушев покачал головой. – Все это пока догадки, надо разобраться как следует. Но все же, господин Одинокое, вы отлично поработали. Портной и в самом деле подозрителен.

– Я понимаю, все улики косвенные, – согласился следователь. – Но когда есть подозреваемый, проще и доказательства находить, есть от чего плясать.

Слух об аресте жестокого убийцы разлетелся по Саратову мгновенно. Горожане были взбудоражены, но и обрадованы. Отступил страх, можно было уже не бояться за жен и дочерей. Но продолжалось это недолго – до первой весенней оттепели. До дня, когда на берегу реки был найден труп изнасилованной и истерзанной девушки – точно так же, как и две первые жертвы. И что особенно поразило следователя: убитая оказалась дочерью купца Забродина – бывшего любовника француженки Жаклин Солье.

6

– Держись крепче, Леночка!

Петр сильнее толкнул легко раскачивающуюся доску. Девушка в летнем платье, простеньком и элегантном, сидела на широкой и гладкой доске, держась за крепкие канаты. Эти качели она любила с детства. Они стояли на лужайке, куда выходила нижняя веранда, а сразу за ними высились три огромные старые осины. И если сильно раскачаться, то волос слегка касались их серебристые, всегда звенящие на ветерке листья... Летом канаты у качелей оплетались гирляндами цветов. Так было и сейчас. Леночка сидела в этой раме из живых цветов, светлые волосы распущены по открытым загорелым плечам, счастливая улыбка, счастливые ясные глаза... Она была словно сказочная дриада! Нет, это не она придумала, это влюбленный в нее жених прошептал восторженно:

– Милая... Ты прекрасна!словно дриада!

И вдруг вспрыгнул ногами на доску, присел, оттолкнувшись, и они взлетели – высоко, еще выше!..

Петр Уманцев и княжна Елена Орешина на днях скромно отпраздновали помолвку. Скромно-то скромно, но весь город, конечно же, знал об этом событии. Что ж, и у юной невесты, и у жениха, несмотря на его сценическую известность, репутации были безупречны. Мнения и светских кругов, и городских газет сошлись: прекрасная пара!

Теперь Уманцев бывал у Орешиных почти ежедневно. Летом театральная жизнь утихала: давали изредка оперетки, комедии да водевили – «Вечер с итальянцами», «Путаницу» и «Харьковского жениха». Петр в них задействован почти не был, вот и мог уделять Леночке много времени. Она была счастлива, и даже то, что свадьба состоится только через год, не могло приглушить этого счастья. Ведь не только друзья, матушка, но и тетушка-подружка Ксаночка признали и полюбили Петра. А заслужить доверие Ксении – насмешливой, проницательной и язвительной – не так-то просто. Но и она, к радости Леночки, недавно сказала:

– Похоже, твой жених и вправду кладезь добродетелей и талантов! Не хмурься, солнышко, я хоть и шучу, но искренне так считаю. И рада за тебя. За вас обоих...

Ксения сказала это, вернувшись из поездки на юг. Каждое лето она ездила в Крым, где, под Евпаторией, квартировала артиллерийская бригада – сослуживцы ее покойного мужа. Все офицерские семьи были ее большими друзьями. Это и понятно: пережить вместе то, что пережили они, и не сродниться – просто невозможно!

Боксерское восстание в Китае... Потом война с Японией – два года. Следующие два года в стране полыхали страшные бунты. Казалось бы, что в сравнении с этим та маленькая незаметная кампания где-то далеко в Маньчжурии, длившаяся всего лишь лето... Но только не для тех, кто пережил ее, и не для молодой офицерской вдовы Ксении Анисимовой.

Восемнадцать лет Ксения уехала из родительского дома в Москву, поступила на Высшие женские курсы профессора Герье. В столице узнала и полюбила своего артиллерийского капитана. Они обвенчались, когда Ксении было 23 года, Владимиру Анисимову – на два года больше. Леночка хорошо помнит их свадьбу: ей было уже семь лет, и она вместе с матерью и отцом ездила в Москву. Было очень весело, играла музыка, все танцевали в большом зале, и она тоже – ее приглашали красивые офицеры. Их было много, но самым красивым ей казался Володя, Ксаночкин муж... Больше Леночка Владимира Анисимова никогда не видела, потому что скоро после свадьбы он получил назначение в Благовещенск, в далекую Сибирь.

Три года Анисимовы прожили там. Ксения писала родным, что ей нравится Благовещенск, приветливые люди, много китайцев – они чудные, но славные, великолепная природа. Сопки, леса. Необъятный Амур. Она стала работать в гимназии, учила словесности, литературе – русской и античной... Потом в ее письма стала вкрадываться тревога. На Амуре про-

пал рыбацкий баркас, – солдаты гарнизона три дня искали его, нашли пустым, искореженным, выброшенным на один из островков. Людей не нашли, и это был уже второй такой случай. Местные «славные» китайцы стали молчаливыми, неприветливыми, целые китайские семьи стали исчезать – уходить через сухопутную и речную границу. С китайского берега Амура время от времени постреливали – это не опасно, река очень широка, но зачем? В гарнизоне прошли учения. Введена боевая готовность...

Да, в самом Саратове тоже ходили слухи о брожении в Китае. Но все это казалось несерьезным, газеты тоже отмахивались: мол, блажат китайцы. Вот только письма Ксении волновали. А в мае 1900 года и грохнуло – разъяренные толпы китайцев осадили иностранный квартал в Пекине, посольства. Так началось восстание, охватившее весь Северный Китай и Маньчжурию.

Через годы, когда боль потери, не уйдя, все же притупилась, Ксения не раз рассказывала племяннице о событиях, которым была свидетелем, в которых сама принимала участие. А Леночка, глядя на свою красивую, грациозную и утонченную тетушку-подружку, легко представляла ее – порывистой, смелой, находчивой, в дыму и огне сражения. Героиней!

Там, где оказались Анисимовы – в Маньчжурии, – восстание сказалось с особой силой. Скопища ихэтуаней – «Восемь знамен», «Зеленое знамя», «Большие кулаки» – и хунхузы обрушились на русские посты и поселки вдоль Восточно-Китайской железной дороги, которая тогда еще только строилась. Уже в середине июня вся дорога оказалась в их руках, а в Харбин и Благовещенск хлынули потоками беженцы. Но почти сразу оба эти города оказались в осаде. С правого берега Амура, у Сахалина, почти беззащитный Благовещенск подвергся жестокой бомбардировке. Артиллерийская бригада, в которой служил Владимир Анисимов, как могла, давала отпор. Но она была малочисленна, сразу понесла большие потери, не хватало снарядов. И все же солдаты и офицеры держались, не впускали китайцев в город. А Ксения вместе с другими женщинами – женами офицеров, учителями, врачами – оберегала от бомбовых ударов детей, ухаживала за ранеными, готовила еду и кормила воинов прямо на их боевых местах. Каждый раз с замиранием сердца пробиралась Ксения к артиллерийскому расчету: сколько солдат и офицеров уже погибло! Она боялась... Но всегда ее встречал счастливой улыбкой ее милый муж. Усталый, с воспаленными от бессонницы глазами, в пыли и пороховой копоти, он словно оживал, видя жену, не спускал с нее глаз, прикасался то к руке, то к волосам в те недолгие минуты, которые они проводили рядом. Когда появились отряды полковников Сервианова и Ренненкампа, переправившиеся через Амур, они разгромили при Айгуне угрожавшие Благовещенску полчища восставших, боевой и азартный офицер Ранненкампа лично во главе отряда казаков в шестьсот шашек бросился гнать китайцев на Мергень – чтоб неповадно было! Капитан Анисимов и несколько других офицеров, охваченные восторгом победы, напросились в отряд полковника. Владимир на ходу, уже в седле, простился с женой. Ксения смотрела вслед отряду, видя стройную фигуру мужа – он был прекрасным наездником. Разве она могла его просить остаться? Он делал свое святое офицерское дело – уходил в бой...

Отряд смельчаков, охваченный победной горячкой, не рассчитал своих сил. У горного хребта Малый Хинган китайцы встретили их мощным укреплением, и первый наскок русских был жестоко отбит. Потом отряд укрепили и людьми, и орудиями, и он взял и Малый Хинган, и Мергень. Но Владимира Анисимова убили еще в первом бою. Тело его привезли в Благовещенск друзья, похоронили на берегу Амура. Ксении тогда только исполнилось 26 лет, детей у них не было, и через год она вернулась в Саратов. Прошли годы, но она не теряла связи со старыми друзьями. Теперь сослуживцы Анисимова квартировали в Крыму, и Ксения ездила к ним каждое лето. Вот и недавно, вернувшись, рассказала Леночке, что совершенно случайно слышала хорошие отзывы об актере Уманцеве в Харькове. Она всегда ездила на юг через Харьков, останавливалась там на два-три дня у подруги по курсам Герье. Ксения любила этот город, говорила всегда:

– Харьков – настоящая столица! А какие там театры!

В этом она, заядлая театралка, разбиралась отлично. И немудрено, что услышала об Уманцеве. Петр ведь один сезон играл в Харькове. И – Леночка была убеждена! – был там самым заметным, самым талантливым! Теперь Ксаночка стала просто мила и естественна с Петром, перестала отпускать свои шуточки и стараться нет-нет, да и подколоть его! И Леночка от этого чувствовала себя совершенно счастливой. Правда, спорить с Петром Ксения все равно не перестала, особенно когда речь касалась театральной жизни, репертуара, пьес, актеров. Вот буквально вчера, за обедом, – Леночка даже расстроилась.

7

А началось все с безобидного разговора о традициях. Петр посетовал, что сейчас актеры, горя желанием выдвинуться, обратить на себя внимание, часто занимаются совершенно непростительным новаторством и просто губят прекрасную роль. Лучше бы старались сохранить тот рисунок образа, который придавали ему первые исполнители. Например, почитаемый в театральном мире Василий Каратыгин – в середине прошлого века он первый сыграл и пушкинского Дон Гуана, и Арбенина в «Маскараде» Лермонтова, и Чацкого... Конечно, каждый волен привносить в роль свои находки, темперамент и даже частную судьбу! Но не отступать принципиально.

Ксения откинулась на спинку стула, сказала с задорным вызовом:

– Вы, Петр Арсеньевич, какой-то неудачный пример выбрали. Я еще девочкой слышала от наших друзей, старых петербуржцев, о Каратыгине. Они его знали и как актера, и как человека. Рассказывали, что на сцене он брал криком: орал, неистовствовал. Как человек был заносчив, с актерами не дружил. Мало того, своего актерского звания стыдился, в газетах приказывал именовать себя не актером, а коллежским регистратором Каратыгиным.

– Ну и что? – Уманцев пожал плечами. – Это можно понять: в то время актеры были люди подневольные, крепостные, вот и стыдился.

– Каратыгин-то как раз не из крепостных, с хорошим образованием, – не согласилась Ксения. – Из крепостных был Павел Мочалов. А вот он-то обладал настоящим талантом. Такого грешно забывать, а учиться у него как раз можно.

У Петра дернулся подбородок и заблестели глаза. Он приложил ко рту салфетку, и Леночке на миг показалось – сделал это не для того, чтоб промокнуть губы, а чтоб сдержать обидные слова. Но, конечно же, это было не так, потому что Петр ответил хотя и горячо, но исключительно вежливо.

– Мочалова, Ксения Аполлинарьевна, я бы не стал называть талантом. Да, иногда он играл очень вдохновенно – потому, наверное, и запомнился. Но он никогда не репетировал, ролей толком не знал и, по большей части, был на сцене совершенно скучен. Но, главное, он был запойный пьяница! А это, согласитесь, несовместимо с талантом.

– Как сказать!

Леночка с укоризной посмотрела на тетюшку, но та упрямо шурила глаза и качала головой.

– Это спорный вопрос.

– Какой же спорный, помилуйте? Вы что же, одобряете пьянство? Мочалов устраивал дебоши в кабаках, бросил жену, от него отказалась родная дочь, умер он где-то пьяным, под забором! И это, вы полагаете, не порочит высокое звание таланта?

Но Ксения продолжала качать головой:

– Талант, как известно, совместен даже со злодейством...

Петр побледнел, но Мария Аполлинарьевна тут же попросила перевести разговор на более приятные темы. В конце обеда Петр извинился за свою горячность, но Ксения вовсе не обиделась, она находила удовольствие в дружеских спорах. Леночка очень любила обоих спорщиков, но ловила себя на том, что почти всегда она – на стороне жениха. Вот и в этом споре: верно, пьяный человек отвратителен, а если ему дал Бог таланта, он его загубит, убьет – за рюмку водки!

Вспомнив вчерашний разговор, Леночка припомнила и еще кое-что. Качели раскачивались уже еле-еле, Петр сидел рядом на доске, приобнимая ее за плечи. Подняв к нему лицо, девушка спросила:

– А кто был тот жуткий человек со шрамом на лице? А, Петруша? Да еще пьяный?

Петр удивленно отстранился.

– О ком ты говоришь, Леночка? Я не понял?

– Да, да, тебя видели! Где-то у портовых доков, у кабака! Ты там бываешь?

Девушка не была возмущена или напугана, напротив, в ее глазах блеснул азарт. Все же Уманцев притормозил ногой о землю, совсем остановив доску.

– Кто же тебе такое сказал? Кто мог меня видеть?

– Анетта Городецкая.

Петр засмеялся, подхватил Леночку на руки, крутанулся на каблуках.

– Ну конечно! Кто же еще мог такое придумать, как не эта эксцентричная особа с буйной фантазией!

– Не иронизируй, дорогой! – Леночка не торопилась покинуть его объятия, наоборот: еще крепче прижалась, заглядывая в красивое насмешливое лицо. – У Анюты, может быть, и правда богатая фантазия, но еще и острые ум и глаза. Странно было бы ей ошибиться.

С Анной Городецкой Леночка училась в одном пансионе. Близкими подругами они не были, но хорошими приятельницами – да. Все-таки обе из одного города, семьи давно знакомы. Если кто-то приезжал проведать Леночку, привозил подарки от родных и Анюте, и наоборот. Когда Леночка вернулась в Саратов, Анетта, окончившая пансион годом раньше, зашла ее навестить. И поразила юную княжну своей почти спортивной одеждой, короткой стрижкой, ездой на велосипеде и курением тонких папирос. Оказалось, она служит репортером в газете своего отца. Тот был чуть ли не самым богатым человеком в городе: владельцем отелей, ресторанов, ипподрома с конезаводом, а также нескольких газет. Дочери он не запрещал жить по-своему, даже гордился этим.

Несколько дней назад Леночка и Анетт Городецкая встретились на званом вечере. Юбиляр – городской голова – принимал гостей по случаю именин на большом прогулочном пароходе. Они медленно плыли по Волге под музыку, в ярких огнях. Анетт, с бокалом шампанского в руке, подошла к столику Леночки и Ксении, присела, принялась болтать. А когда Ксения ненадолго отошла, сказала:

– Жених твой, Леночка, не только на сцене храбрец, но, похоже, и в жизни человек рискованный. Он меня прямо заинтриговал!

– А в чем дело? – Леночку почему-то ее слова не обрадовали, а, напротив, обеспокоили.

– Репортер, милая, по своей сути тот же сыщик. Было у меня кое-какое дельце в одном укромном и мрачном местечке в портовом районе. Есть там что-то вроде постоянного двора. В общем, обычный притон.

– Боже мой, Анетт! Как ты не боишься! Случись что, и следов не отыщется!

– Волков бояться... Впрочем, я подозреваю, что родитель мой охранников ко мне приставил, замечаю иногда... Но я не об этом. Из окошка того постоянного двора я наблюдала картинку: напротив – кабак, и вот у входа встречаются твой Петр и какой-то жуткий тип... Здоровенный такой, небритый, полупьяный, со шрамом через всю щеку. Жених твой в плащ кутался и шляпу надвинул, но у меня глаз наметанный, узнала. Встретились они как знакомые, причем верзила был явно чем-то недоволен, насакивал на Уманцева. В кабак они вошли вместе, а как вышли – не видела. Сама раньше ушла.

...Петр и Леночка уже шли по саду, держась за руки. Он смотрел на нее с веселой укоризной, как на маленькую.

– Дорогая, что я могу сказать! Анетт Городецкая большая выдумщица. Что-то ей почудилось, она досочинила, вот и получился захватывающий сюжет.

– Значит, это был не ты?

– Жаль вас обеих разочаровывать, опровергать слухи о своей загадочности... Но нет, не я. Никогда не бываю в таких местах, даже не знаю того района... А с тетей ты поделилась этой таинственной историей?

– Нет, зачем же! Я ведь и сама не очень-то поверила.

– А-а, даже ты – «не очень»! А уж Ксения Аполлинарьевна меня бы доняла! Бр-р-р...

– Петенька!

– Шучу, шучу. Ладно, забудем.

Они вышли к застекленному розарию. Сейчас, летом, все двери и окна здесь были нараспашку, а воздух казался густым от благоухания.

– Мне нравится твоя подруга, – продолжал Петр, – но все же эти ее новомодные увлечения... Нет, это не по мне. Эмансипация убивает женственность. Разве сравнить ее и тебя, любовь моя!..

Он потянулся к ней, но Леночка лукаво увернулась, потом сказала серьезно:

– А мне вот кажется, что я – словно барышня из прошлого века. А ведь уже новый век, двадцатый. Какой он жестокий! Начался войнами, бунтами. И сейчас так и чудится, что это затишье перед бурей.

– Боже мой! – Петр нежно обнял, прижал к себе девушку. – Какая ты необыкновенная, умница, чуткая! Лучше всех!

– Но я иногда чувствую себя такой отсталой. А вот Анетта – она из этого века. Знаешь, она мечтает раскрыть все эти страшные убийства! Поймать злодея! Не сама, конечно, но хочет внести и свою лепту.

– Каким же образом?

– Она в своей газете ведет криминальную хронику. Держит связь с полицией и все обо всем знает.

– Делится с тобой?

– Нет, подробностей не говорит. Да я и сама не расспрашиваю, боюсь. Четыре убийства, и все уверены, что будут еще! Ведь преступник на свободе. Двух подозреваемых уже арестовывали, да выпустили.

– Да, знаю... Но у меня тоже есть своя версия. Эти двое, которых арестовывали по подозрению – портной и купец, – они вдвоем и убивают. В сговоре. Когда арестовали портного, второй – купец – совершил снова убийство. Чтоб отвести подозрение от соучастника. Портного выпустили и арестовали купца. Тогда убивает портной – и купца освобождают!

Леночка слабо улыбнулась.

– Я вижу, Петя, что ты шутишь. Не надо. Это не смешно.

– Да, дорогая, прости, глупая шутка. К тому же по этой моей версии получается, что отец должен был бы убить свою дочь. Вдвойне глупо. Не будем больше говорить на эту печальную тему. Знай только: пока я с тобой – никому не дам тебя в обиду!

Легко держа девушку за плечи, не отрывая от нее глаз, Уманцев посадил ее на скамью между двух буйно цветущих розовых кустов. Стал на колени, прижался лбом к ее прохладным тонким пальчикам. Вскинул глаза, в голосе его задрожали неподдельные слезы:

– Ко мне, Луиза! Дай мне свою руку! Союз наш так же непреложен, как непреложно то, что при последнем моем издыхании Господь не оставит меня! Если эти две руки будут разъединены, в тот же миг порвется нить между мною и мирозданием!

Губы у Леночки задрожали. Петр говорил слова из той прекрасной пьесы, памятной для них обоих, соединившей их. Но она видела, верила, что он говорит правду – о себе и о ней. Она потянулась, обняла любимого, отдала свое лицо его горячим губам...

8

Хорек блаженствовал в тихой кофейной на Лопанской набережной, когда Петрусенко небрежно положил свою шляпу на край его стола.

– А хорошо здесь! – сказал он, придвигая стул и усаживаясь. – В такую жару от реки прохлада. Ты, Хорек, известный сибарит.

– Э-э, господин следователь! Не такая уж вы хорошая компания!

Хорек подпрыгнул на месте, ухватившись за свою трость с резным набалдашником, но встать и уйти не решился. А Петрусенко этого словно и не заметил.

– Выпью-ка и я кофейку с мороженым. Советуешь?

Достал свою неизменную трубочку, раскурил и пустил первые колечки в сторону собеседника. Тот махнул ладонью перед лицом, сменил тон.

– Викентий Павлович, господин Петрусенко! Я же чист, как младенец! Ничего вам не должен.

– Верно, мне ты ничего не должен. А вот Земельному банку чуть было не задолжал. Спугнул тебя кто-то в их филиале, на Екатеринославской, а?

К удивлению следователя, известный взломщик сейфов по прозвищу Хорек, услышав эти слова, расслабился, заулыбался, даже вновь стал прихлебывать кофе.

– Ошибаетесь, господин следователь! Про это дело я ничего не знаю.

Петрусенко задумчиво молчал, рассматривая повеселевшего Хорька. Чувствовал – не врет. На прошлой неделе, в среду, в небольшую контору банковского филиала проникли воры. Ловко отперли замок входной двери, прикрыли ее за собой так, что повреждения казались незаметными. И уже пытели над сейфом, когда случайный прохожий увидел промелькнувший в окне луч фонаря. Он сообщил об этом ближайшему городовому, тот поспешил к банку, свистя подмогу, да бандиты успели улизнуть. Следователь Петрусенко, осмотрев умело взломанные запоры дверей и высверленные дырочки вокруг сейфового замка, сразу подумал о таком специалисте, как Хорек. О том уже долгое время не было слышно, что само по себе казалось подозрительным. Несколько дней Викентий Павлович выслеживал взломщика, и вот теперь тот нагло ухмыляется ему в лицо. Петрусенко перешел на официальный тон:

– Тогда скажите мне, Хорин, где вы были вечером в среду?

Хорек сразу почувствовал перемену в следователе: пристальный блеск серых глаз, твердо сжавшиеся губы под щеточкой светлых усов. Ему ли не знать хватку этого самого удачливого в городе сыщика! И хотя взломщик на этот раз чувствовал себя ни в чем не виноватым, шутить ему расхотелось.

– В среду? – переспросил он. – О, господин Петрусенко, если я скажу, вы будете смеяться!

– А ты все же попробуй!

– В театре я был, – Хорек нервно хихикнул. – Наслаждался драматическим искусством...

– Вот это и вправду интересно. – Петрусенко взял за шляпу. – Составьте мне, Хорин, компанию до ближайшего околотка. Там запишем ваш рассказ – пьеску, какую смотрели, вспомните, сюжетик, артистов...

Взломщик сейфов Хорек имел кличку, которая как нельзя лучше соответствовала всей его сути. Хотя произошла она от фамилии, но отчетливо намекала на хищную повадку, умение, сделав дело, незаметно юркнуть в укрытие, скрыться. Да и внешностью этот человек напоминал хорька – маленький, шуплый, мелкие черты лица, прилизанные черные волосики, бегающие глазки-пуговицы... Он был высококлассным специалистом в своей области и почти неуловимым. Но все же дважды Петрусенко удавалось его схватить. Впрочем, Хорек на сыщика зла не держал – что ж, каждый делает свое дело. Хорек даже гордился тем, что его мог поймать только Петрусенко, и никто иной, – талант этого сыщика признавали даже в столице. Недаром

у него было звание «следователь по особо опасным преступлениям», и не раз он уже выезжал из своего родного города туда, где совершались самые тяжкие преступления. Харьковские уголовники, как ни странно, гордились этим, но и пользовались отсутствием сыщика на всю катушку... Впрочем, на этот раз Викентий Павлович и вправду ошибся в своем подозрении. Хорек в театре, судя по всему, был.

– Ну, господин Петрусенко! – восторгался он. – Как много я в жизни потерял! Так бы и помер дураком, если бы не... в общем, дружок один. Спасибо ему! Но теперь наверстаю, все театры в городе обойду.

– И в оперу тоже пойдешь? – насмешливо спросил Петрусенко. Хорек задумался, потом с сожалением покачал головой.

– Нет, в оперу не пойду. Опера или там балет – это навряд же сказки. А драма или комедия – там все как в нашей жизни! Этот Шельменко – ну совсем же как я! Ох, как я за него переживал! Ну, казалось, нет, тут уж ему не выкрутиться! А он – раз, как угорь, и тому и другому угодить успевает! Но главное – свой интерес... Такой затейник, и впрямь шельма!

– Так, значит, «Шельменко-денщика» смотрел?

– Точно, даже знаю, что наш земляк написал эту пьесу. Какой-то Квитка...

– Квитка-Основьяненко, Григорий Федорович.

– Точно, он!

– Откуда же такие глубокие познания?

– А дамочка одна сказала. В театре рядом сидела. Не здешняя, приезжая, а знала.

– Хорошо говоришь, Хорек. Я бы тебе совсем поверил, вот только одно мне непонятно...

– С чего это меня в театр занесло?

– Верно! Что за дружок тебя туда направил? И зачем?

– Про какого это вы дружка?

– А ты сам обмолвился...

Хорек состроил кислую мину, потом махнул рукой.

– Вы бы, господин Петрусенко, все равно допытались, своего не упустили бы, так? Чего там, расскажу. Преступления в том никакого нет, хотя дело немного странное, это да... Прилетела недавно весточка от старого дружка – он теперь не здесь живет, далеко. Попросил подсобрать ему в одном деле.

– В театре?

– Да, сходить в театр и передать пару-тройку слов кое-кому. Вроде бы случайно, ненароком.

– Кому?

– Да какая разница... Ладно, ладно! Дамочке одной.

– Приезжей?

– Ну, хоть и приезжей. Ничего плохого, даже совсем наоборот!

– Хорошо он тебе заплатил, Хорек?

– Представьте себе, очень даже хорошо! За такой пустяк! Да еще удовольствие получил...

Нет, теперь все театры обойду!

– Ну, ну, Хорек, мы еще не закончили. Хорошо заплатил, значит, это для него, дружка твоего, важно было. Кто же он?

– О, господин начальник, к чему такие вопросы? – взломщик напыжился, вскинул кверху остренький подбородок. – Вы Хорька давно знаете! Я своих не продаю!

– Обиделся? Знаю, знаю. Верно, без крайней надобности не продаешь.

– А сейчас надобности и вовсе никакой нет. Я чист.

Петрусенко и вправду уже понял, что Хорин в попытке ограбить банк не замешан. А эта история с театром... Да, что-то в ней есть... интересное. Но сейчас не до нее, да и зачем...

– Ладно, – Викентий Павлович поднялся из-за стола и сделал знак рукой дежурному городовому. – Посиди здесь, в околотке, до вечера, пока я твой рассказ проверю. – И уже в дверях обернулся, добавил весело: – И советую еще сходить на спектакль «Сватанье на Гончаровке». Пьеса того же Квитки, земляка нашего. Презабавная вещица, тебе понравится!

... Да, тогда, летом, Хорька пришлось отпустить. В Малом театре, где в среду шел «Шельменко-денщик», его запомнил один из служителей: щуплый человечек в вестибюле, еще до начала представления, вольно опершись о колонну, стал раскуривать папироску. И очень удивился, услышав, что есть на то специальная курительная комната. Он явно попал в театр впервые. Вспомнил Хорька и буфетчик: тот еще до начала спектакля восторгался ассортиментом и возмущался ценами, впрочем, пару рюмок выпил и бутербродом с бужениной закусил. А вот в антракте – преобразился: изысканные манеры, бархатный голос! Еще бы, привел за столик красивую даму, подозвал официанта, что-то заказывал. Потом к ним присоединился еще один господин – невысокий, полноватый, с забавным венчиком волос вокруг лысины, с бородкой. По описанию буфетчика, Викентий Павлович сразу признал вора и мошенника по кличке Пузо – лучшего дружка Хорина. Отпуская Хорьку из околотка, сыщик поинтересовался:

– Почему же ты промолчал о том, что в театре и Пузо был? Он же свидетель в твою пользу.

– Да разве ж он для вас свидетель? – удивился Хорек. – Какое к нему доверие? А что, будете расспрашивать?

– Нет, – махнул рукой Петрусенко. – И так все ясно.

В самом деле: время первого антракта точно совпадало с моментом бегства взломщиков, которых спугнули свистки городских. Зачем же попусту тратить усилия, когда полно неотложных дел...

И все же – как важно для сыщика представлять все события, даже самые мелкие, в виде звеньев одной непрерывной цепочки. И когда удачно завершаешь дело, многим это кажется чудом, внезапным озарением, везением! А это просто продвижение по цепочке – от звена к звену. Конечно, эти звенья нужно заметить вовремя, запомнить, постоянно иметь в виду. Летом Викентий Павлович отпустил Хорьку, осенью проследил за ним, а зимой спокойно и легко арестовал с главной уликой – похищенными ценностями.

9

В конце сентября Петрусенко повез семью на Покровскую ярмарку. День накануне великого праздника выдался чудесным: солнце грело почти по-летнему, тополя, каштаны и клены еще не облетели, сверкали позолотой листвы. По Сумской улице празднично разодетые люди шли в одну сторону – к реке, к Павловской площади, где всегда проходили ярмарки, Покровская и Успенская.

Когда их открытая коляска въехала на Николаевскую площадь, наметанный глаз сыщика выхватил из толпы знакомую фигуру: разряженный Хорек, неторопливо помахивая тростью, вальяжно спускался по ступеням красивого особняка. Ничего необычного в этом бы не было, если бы... Здание это занимал Торговый банк, а шупленький человек с тростью славился как удачливый банковский вор, взломщик сейфов.

Первым делом у Петрусенко мелькнула мысль: остановиться, подойти к Хорьку, придержать за локоток... «Ну и что дальше?» – одернул он себя. Взломщик явно сейчас не при деле, гуляет. Правда, гуляет он на банковских ступенях, но это ему в вину не поставишь. И Петрусенко покатил дальше. Ни жена, ни дети ничего не заметили. Люся, такая красивая и веселая, одной рукой придерживала шляпку, второй обнимала, прижимая к себе, маленькую Катюшу. Одета как взрослая барышня – в сшитую на заказ модную пелеринку и капор, – трехлетняя девчушка выглядела презабавно. А вот девятилетний Саша наряжаться не стал, был в своей гимназистской форме. Еще бы: ведь именно так, в форму, одет его двоюродный брат Дмитрий. Мите пятнадцать, и уже семь лет он живет в семье Петрусенко – после трагической гибели родителей. Братья очень дружны, вот и сейчас сидят рядом, чему-то смеются...

Через несколько минут коляска свернула на широкий проспект, идущий к реке. И вот она – Павловская площадь, яркая, шумная, многолюдная! В одном ее конце растянут шатер шапито, в другом – качели-карусели. Но главное – это сама ярмарка: лавочки, палатки, импровизированные кофейни, где и чай, и кофе, и блинчики, и горячие колбаски, и пиво с рыбой, и... всего не перепробовать!

Дети тянули то в одну сторону, то в другую. Их щеки уже лоснились от масляных блинов, а пальцы слипались от сладких леденцов. Катюша прижимала к груди нарядную куколку с фарфоровым личиком и закрывающимися глазками, Саша все время дул в глиняную свистульку. Митя уже дважды относил полные корзинки покупок к поджидающей в переулке пролетке. Уже накатались на каруселях и насмотрелись на медведя-танцора и смешную обезьянку. Осталось цирковое представление: у распахнутого полога шапито играли трубы и ловкие акробаты, выделывая пируэты, зазывали публику. И тут Викентий Павлович вновь увидел Хорька.

Заложив руки в карманы распахнутого пальто, тот вольготно двигался сквозь толпу. На физиономии у него было написано беспечное и самодовольное выражение. Петрусенко сразу же уловил какую-то целенаправленность в движениях маленького человечка. И хотя Хорек приостановился у пивного прилавка, взял пенную кружку и тарелочку с дымищимися колбасками, ощущение целенаправленности не исчезло.

– Люся, – он тронул жену за локоть, – иди с ребятами в цирк, а я задержусь. Не беспокойся, до начала представления я вас найду, присоединюсь к вам.

Молодая женщина быстро огляделась. Она хорошо знала характер мужа, знала, как он увлечен работой. Сразу поняла: что-то его насторожило. Но не смогла выделить из разномастной толпы обычного с виду человека, пьющего пиво.

– Это не опасно, Викеша? – спросила она.

Он весело чмокнул ее в висок.

– Все-то ты понимаешь! Нет, так... мелочь. Идите.

Слежку сыщик Петрусенко всегда вел виртуозно. Так что когда Хорек двинулся дальше, в сторону Подола, беспечность так и не покинула его. Следом за ним Петрусенко вышел к Сенной улице и свернул в Подольский переулок. А там Хорек зашел в парадный вход уютного двухэтажного дома. Последний раз, прежде чем шагнуть в дверь, украдкой огляделся вокруг. За все время пути он это делал уже не раз – ловко и незаметно. Но не для Петрусенко. А сыщик, заметив такую предосторожность, радовался: есть, видимо, у Хорька причины таиться.

Викентий Павлович отлично знал этот околоток. И дом, куда вошел Хорек, был ему известен – скромная приличная гостиница. Выждав время, он и сам заглянул туда. Спросил служащего у стойки:

– Намедни должен был поселиться у вас мой деловой партнер, господин Хорин? Какой номер он занимает?

И услышал то, что и ожидал:

– Такой господин у нас не проживает.

Развел руками.

– Наверное, еще не приехал. Наведаюсь попозже...

Как и обещал, успел как раз к началу циркового представления. Быстро нашел взглядом в третьем ряду своих, весело помахал рукой и стал пробираться к ним.

Викентий Павлович Петрусенко и у коллег, и в самых высоких кругах Департамента полиции пользовался славой талантливого и удачливого сыщика. Ему было тридцать шесть лет, но уже два года он исправлял должность следователя по особо опасным преступлениям. Не раз начальство из столицы вызывало для помощи в разгадке сложных дел. «У Петрусенко невероятный дар проницательности!» – сколько раз слышал он подобные восклицания. Слегка улыбаясь, щури глаза, но не опровергал. Он-то знал: корень проницательности – в фактах и умении эти факты не пропустить. Даже самые, казалось бы, ничтожные и ненужные. Вот как в тот ярмарочный день. Ну что с того, что прогуливался взломщик сейфов Хорин по ступенькам банка? С того, что поселился в гостинице под чужим именем? Ведь ничего не произошло ни в тот день, ни в последующую неделю – Петрусенко методично проверял сводки происшествий день за днем. Но когда в конце декабря, в пять часов утра, городской позвонил в дверной колокольчик и сообщил, что ночью ограбили Торговый банк, Викентий знал, что делать. Быстро одевшись и прыгнув в коляску, он в несколько минут домчался по заметенной снегом и освещенной фонарями улице в полицейское управление. Там ему сказали, что банк ограбили час, от силы полтора тому назад. Сторожа связали и заперли в темном кабинете. Все сторожевые и сигнальные системы оказались умело отключены. Однако через некоторое время пленник сумел ослабить веревки, вытащил кляп изо рта и стал кричать в окно. Когда подоспевшие полицейские освободили его и вбежали в главное хранилище, они там уже никого не застали. У большого сейфа, на полу, на замшевом коврикe, лежали аккуратно разложенные замысловатые инструменты – буравчики, отмычки, сверла. У грабителей, видимо, не было времени собрать их и унести. Однако сейф был взломан: вокруг замка проделаны полукругом дырочки, дверца распахнута. Исчезли золото, ценные бумаги на крупную сумму.

Петрусенко не стал терять время. С бригадой полицейских, на трех колясках, он помчался через Николаевскую площадь, через Павловскую на Сенную улицу, в Подольский переулок к знакомой гостинице. Хорька и его подельщиков взяли с поличным – со всем награбленным, разложенным прямо на столе и кровати. Взломщики были ошеломлены молниеносным появлением следователя и полиции. В городском управлении и столичном Департаменте полиции вновь заговорили о необыкновенной проницательности следователя Петрусенко. И только Люся проявила еще большую проницательность:

– Признайся, Викеша, это та ярмарочная прогулка тебе помогла? Ты ведь тогда кого-то выслеживал?

Днем Людмилу навестили подруги – жены влиятельных в городе людей, все восхищались талантом ее мужа.

– Только и разговоров, как ты, ни секунды не задумываясь, помчался прямо в логово бандитов! Вот я и вспомнила. Верно догадалась?

– Верно, верно! Но никому об этом не рассказывай. Если узнают, что ты видишь меня насквозь, моя репутация пострадает!

На первом же допросе Хорек, ошарашенный стремительным арестом, рассказал все как на духу и о подготовке, и о самом ограблении. Под конец, немного придя в себя, нашел даже силы пошутить:

– Не все же вам в дураках ходить, господин Петрусенко. Так уж и быть, на этот раз мой черед.

– Значит, квиты, – пожал плечами Викентий Павлович. – Errare humanum est. Человеку свойственно заблуждаться. И мне, и тебе. Но ты, Хорек, после того раза небось в театре и не был? Все ограбление готовил?

– Как же не был! – обиделся Хорек. – Был! «Сватанье» смотрел, как вы посоветовали. Насмеялся! Это же про нашу Гончаровку, про родную!

– Вот и хорошо, что насмеялся: на несколько лет вперед хватит.

– Да уж, – загрустил грабитель. – Теперь в театр не скоро попаду... Но жизнь, господин Петрусенко, она ведь тоже театр. А мы все в ней артисты.

– Ого! – Петрусенко искренне восхитился. – Как на тебя Мельпомена подействовала! Да ты просто философом стал, Хорек!

Хорек захихикал, довольный.

– Да это не я, а английский драматург Шекспир придумал. Хорошо придумал! А мне та дамочка сказала.

– Из-за которой ты в театр и попал? – догадался следователь.

– Точно! Дамочка из Саратова.

Викентий Павлович вновь подумал: интересная история с этим театром, необычная. Впрочем, его это никак не касалась – дамочка-театралка какая-то, далекий город Саратов... Но буквально через несколько дней он вдруг вновь услышал про этот город. И теперь уже дело касалось его напрямую.

Из столицы пришла депеша: его поздравили с поимкой шайки грабителей и предписывали срочно прибыть в Департамент полиции. Там сам генерал-губернатор предложил Викентию Павловичу выехать в Саратов, оказать содействие местной полиции – поймать убийцу-маньяка. Конечно, Петрусенко об этом деле слышал: газеты живо описывали жуткие подробности кровавых расправ. Но обер-полицмейстер рассказал ему о других, неизвестных журналистам подробностях.

– Возвращайтесь домой, – сказал он ему дружески после того, как они покончили с делами. – Встречайте Рождество с семейством. Но после, не мешкая, выезжайте в Саратов. Народ там уже от страха сам не свой. – И добавил, пожимая на прощание руку: – Вы талантливый сыщик. Очень на вас надеюсь.

10

В одном из глухих закоулков в окрестностях порта, среди заброшенных сараев и полупустых складов торчал старый барк. Он держался на плаву, причаленный у прогнившей, заливаемой водой маленькой верфи, и казался таким же заброшенным. Железо проржавело, голые мачты обвалились, ступеньки, ведущие с палубы вниз, поломались. Судно казалось жалким, заброшенным. И все же люди на нем были.

Разболтанные ступеньки вели в пустой трюм. Там в самом углу, в стене была совершенно незаметная дверь, за ней – вместительная каюта, неожиданно удобная, обставленная мебелью. В одной ее части, за ширмой, стояли на полках, лежали в тюках и ящиках кипы вещей. В другой – на диване и в кресле – сидели и разговаривали двое мужчин. Сидевший в кресле курил тоненькую папироску, другой, развалясь на диване, жевал пирог с мясом, время от времени запивая пивом.

– Так чего ты хочешь от меня, Лыч? – спросил первый, выпуская в потолок колечки дыма.

Второй дотянулся до низкого столика, бухнул на него пустую кружку, шумно сглотнул последний кусок.

– Не все ж твоих баб драть! Постарайся один разок и для меня, уговори жучку!

– Чего ты жабрами пыхтишь? Разве я от дела когда отказывался? За милую душу! А... – говоривший насмешливо вздернул бровь, – разве мои кошечки тебе не сладкими показались?

– Хватит мне зубы-то заговаривать, девка эта мне еще с прошлого рынка глянулась.

– А, значит, и у тебя в груди тоже что-то колотится?

– Э, Гусар, ты из меня валета не лепи! – Лыч толстыми пальцами ловко выхватил папироску прямо изо рта собеседника. – И сам не гони дуру! Девка здорова – не обхватишь! Да только я к ней не подступлюсь – с моей мордой. Она и прошлый раз не с кем попало пошла, выбирала.

– Ладно, ладно, не серчай. – Гусар легко поднялся, достал из шкафа красивую винную бутылку. – Налить? Ну как хочешь. Я, знаешь ли, отвык от водки... А ты точно знаешь, будет твоя красавица сегодня на привозе?

– Будет! Слышал еще в прошлое воскресенье, говорила, что рыба, мол, хорошо идет, косяками, с полмесяца еще так будет. Привезет продавать, куда денется!

Оба замолчали ненадолго, смакуя каждый свое питье. Лыч – тяжелый, с хриплым дыханием, бычьей шеей и изуродованным лицом. И Гусар – стройный, легкий в движениях, красивый.

Вскоре после полудня оба покинули убежище. С большими предосторожностями выдвинули с одной стороны барка приставную лестницу, потом Лыч спрятал ее среди хлама в ближайшем сарае. Утром было промозгло и туманно. Теперь туман разошелся, но холодная осенняя сырость осталась. Правда, иногда сквозь тучи пробивалось солнце, но так ненадолго, что ему не успевали порадоваться. Сарай и склады незаметно перешли в убогий поселок, подельщики шагали по грязным деревянным настилам, тихо продолжая разговор – людей навстречу почти не попадалось.

– Я эту девку прошлым воскресеньем приметил. Они с папашей промышляют на своей лодке, продают рыбу. Подвалил к ней и получил отлуп... А с портовым одним пошла в трактир с номерами!

– Вот тебе и заблажило, удержу нет?

– Верно, – согласился Лыч. – Она у меня, стерлядь лупоглазая, такого теперь получит!

– Хочешь, чтобы я завлек и отвалил в сторону?

– Как сам знаешь, – пожал плечами Лыч. – Давай как всегда: ты, потом я, потом снова ты.

– Там будет видно. – Гусар ловко перепрыгнул с доски на камень, сапоги его были почти чистые. – До сих пор я ведь сам выбирал, так что на твою девку я, может, и не...

Они уже шли по набережной, где лязгали лебедки, скрипели якорные цепи, сновали люди, ревели сирены. У берега стояли большие грузовые суда, баркасы и баржи. Вскоре показался и рыбный рынок-привоз. Здесь прямо с рыбацких лодок и судов побольше продавали свежий улов. Было многолюдно, шумно, влажный воздух казался до нестерпимости пропитан запахом водорослей и рыбьих потрохов. Лыч издали указал на крупный барк, подле которого с самодельного лотка молодая бабенка отпускала свой товар. Рыбины сверкали и бились в ее руках, но она ловко управлялась с ними. Похоже, так же ловко она отбивалась от шуток и приставаний крутившихся рядом мужчин. Приглядевшись, Гусар отметил, что полнота не мешает девушке быть по-своему грациозной, а круглое, краснощекое ее лицо не лишено привлекательности. Он оглянулся на Лыча:

– Губа у тебя не дура!

– То-то! Теперь небось не откажешься?

– Да уж... Куда поведем, прикидывал?

– В «Приют».

– В «Приют»? – Гусар задумался, потом согласно хмыкнул. – Подходяще. Только я там мелькать не хочу. Узнать меня, конечно, не узнают, но береженого Бог бережет...

– Ни тебя, ни девку никто не увидит. – Лыч наклонился, зашептал почти в ухо. – Сам знаешь, меня там ни одна собака не выдаст. Приду, сниму номер – отдохнуть вроде бы, отлежаться. А вы идите к глухой стене, той, что у самой воды. Там увидишь погреб заброшенный. Оттуда вас и пушу, это ход потайной, который только хозяин да я знаем.

– Ну ты хват! Сообразил!

– Гляди, Гусар, чтоб девка не затрепыхалась, когда ее на задворки поведешь, не учуяла чего.

– Не мандражируй! Пойдет как на веревочке.

Лыч довольно заулыбался, зная, что все будет так, как говорит Гусар.

– Иди, я послежу за вами. Как отвалите, так пойду вперед...

Франтоватый парнишка в клетчатых брюках, заправленных в хромовые сапоги, легком замшевом полупальто и таком же кепи толкался у соседних прилавок, незаметно приближаясь к намеченной цели. У него были длинные, косо подбритые баки и ровно подстриженный над бровями чуб. Перстень-печатка на пальце выглядел слишком массивным, чтобы быть настоящим. Но девушке-рыбачке, торгующей уловом, он показался шикарным красавчиком, и она не спускала с него глаз. И когда Гусар очутился в конце концов перед нею, густо покраснела и, отпуская очередного покупателя, постаралась тут же спрятать руки – красные, в рыбьей чешуе – под передник. Правда, уже через несколько минут бойкость вернулась к ней: красавчик оказался веселым простецким парнем, она во все горло хохотала над его грубоватыми шутками. Познакомились. Гусар назвался Матвеем, она – Лукерьей.

– Я вас, Луша, еще в прошлое воскресенье приметил, да подойти постеснялся.

Она не поверила в его застенчивость, но слышать такое было приятно. И то, что сегодня пришел ради нее. Торговля подходила к концу. Ее отец, худой усталый рыбак, уже забрасывал в лодку пустые бачки. Он привык, что дочь по воскресеньям не уходила с ним – гуляла и домой возвращалась поздно, а то и на другой день. Дело житейское, пусть девка думает своей головой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.